

ANNA WARDA <https://orcid.org/0000-0003-0095-0199>

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173
anna.warda@uni.lodz.pl

**РОМАН-ПАРОДИЯ МОЙ ДЯДЯ
Н. Г. КУЗЬМИЧА И ПУШКИНСКИЙ РОМАН
В СТИХАХ ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН**

**THE PARODIC NOVEL *MY UNCLE*
BY N. G. KUZMICH AND PUSHKIN'S NOVEL
IN VERSE *EUGENE ONEGIN***

Статья посвящена «лодзинской» переработке романа в стихах А. С. Пушкина *Евгений Онегин*. Произведение под названием *Мой дядя* было создано Н. Г. Кузьмичем (вероятно это был псевдоним) и опубликовано в 1896 году в издаваемой в Лодзи на русском языке газете «Лодзинский листок». Действие романа-пародии разыгрывается в Лодзи, а его героями являются: дядя, Татьяна и Евгений. В произведении находим отражение реалий промышленной Лодзи XIX века, а также намеки на знаменитый роман А. С. Пушкина.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, *Евгений Онегин*, *Мой дядя*, Н. Г. Кузьмич, «Лодзинский листок».

The article is devoted to a reworking of Pushkin's novel in verse *Eugene Onegin* that was effected in Lodz in 1896. The work, entitled *Moi dyadya* [*My Uncle*], was penned by one N. G. Kuzmich (which probably was a pseudonym) and published in „Lodzinskiy listok”, a Russian-language newspaper issued in Lodz. The parodic novel is set in Lodz, and its protagonists are: the uncle, Tatiana and Evgeny. The piece offers a reflection of the realities of the industrial Lodz of the 19th century, as well as hints at Pushkin's famous work.

Keywords: Alexander Pushkin, *Eugene Onegin*, *My Uncle*, N.G. Kuzmich, „Lodzinskiy listok”

«Лодзинский листок» – это первая русскоязычная газета, которая издавалась в Лодзи с 1894 по 1914 год и была рассчитана на русское меньшинство, проживающее в этом городе. Лодзь, как известно, была в то время

крупнейшим европейским центром текстильной промышленности. Число населения в городе достигало 300 тысяч жителей, среди которых русские составляли 2,4%. Это были: военные, полицейские и административные чины, работники банков, почты, немного купцов. Их появление в Лодзи было результатом политических обстоятельств, связанных с разделами Польши и тем, что ее центральная часть, включительно с Варшавой и Лодзью, нашлась в пределах Российской империи.

В 1894 г. «Лодзинский листок» носил подзаголовок, определяющий его тематическую направленность: «Газета торговли, промышленности и общественной жизни». Но уже в следующем – 1895 году он превращается в «Газету общественной жизни, торговли, промышленности, политики и литературы». Интерес читателей к литературным текстам, помещаемым на страницах каждого номера газеты, повлиял на то, что ее издатели с 1911 года стали издавать также ежемесячное «Литературно-художественное приложение», содержащее разного рода стихи, рассказы, фельетоны, сказки, а также постоянную рубрику – юмор и сатира.

Одним первых сотрудников «Лодзинского листка», который относительно регулярно помещал в нем свои фельетоны, а также литературные произведения (стихотворения, пародии, басни), был некто Н. Г. Кузьмич (в большинстве случаев под его текстами инициалы Н. Г. пропускаются). Однако, вероятно как он, так и другие сотрудники лодзинской газеты подписывали свои произведения не настоящими фамилиями, а псевдонимами или инициалами (напр.: Житель, Сказ, Дядя Митяй, Детерминист, Незнакомец, Дир, Проходящий, А. П., Н. Р., И. И-н, Т. М., З-с и др.). В конце XIX – начале XX века псевдонимы получили сильнейшее распространение в литературной жизни России и большинство авторов публиковало свои произведения в газетах и журналах именно под псевдонимом.

Среди причин принуждавших авторов сохранять инкогнито, были, между прочим: стремление избежать преследований за сочинения обличительного характера, общественное положение, желание отвлечь от себя огонь критики, боязнь дебюта, наличие однофамильцев, незвучная, смешная фамилия, обыденность настоящей фамилии, скромность или равнодушные к славе, желание мистифицировать читателя, мода. Сатирики и юмористы в свою очередь использовали псевдонимы как дополнительное средство для создания комического эффекта¹.

Фамилия, которой подписывал в «Лодзинском листке» свои произведения автор *Моего дяди*, звучит так же, как и русская фамилия Кузьмич,

¹ В. Г. Дмитриев, *Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов)*, Москва: Издательство «Наука» 1978, [электронный ресурс] <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000070/st002.shtml> [3.08.2018].

однако мало вероятно, что писатель пользовался своей настоящей фамилией². Думается, что, скорее всего, подпись автора: «Кузьмич», – это апоконим, то есть одна из форм псевдонимов, образованная от фамилии Кузьмичев путем отбрасывания ее конца. Однако в доступных словарях псевдонимов³ нам не удалось найти никаких сведений насчет автора, носящего фамилию Н. Г. Кузьмич. На основе фельетонов и стихотворений этого автора мы знаем только, что он приехал в Лодзь из России, где работал репортером в крупнейших русских городах и, живя в Лодзи, время от времени посещал Петербург.

Следует также обратить внимание на то, что в основе русской фамилии Кузьмич появляется русское имя Кузьма (стар. Козьма), которое имеет греческие корни и образовано от греческого слова «косма», которое в переводе на русский означает «мир, честь, порядок, вселенная, украшение, наряд». Возможно, что именно одно из значений данного слова могло повлиять на выбор псевдонима, которым пользовался автор при публикации своих произведений на страницах лодзинской газеты.

Так или иначе, писатель, который публиковал свои произведения в «Лодзинском листке», по какой-то причине не хотел выявить свою настоящую фамилию.

Судя по его относительно регулярным публикациям в «Лодзинском листке», Кузьмич был, вероятно, штатным сотрудником этой газеты, который сочинял свои тексты в соответствии с потребностями редакции или договором между обеими сторонами. Так, он писал стихотворные фельетоны, которые комментировали актуальную ситуацию в Лодзи и относились как своим названием («Раешник»), так и формой к народной традиции райка и раешника⁴. Кроме того, он помещал в газете рецензии на культурные события, происходящие в Лодзи, сочинял ocasionальные стихотворения, относящиеся к религиозным и светским праздникам, стихи на разные случаи, а также особый вид подражаний – литературные пародии на произведения выдающихся как русских, так и польских знаменитых писателей. Среди них следует назвать роман-пародию *Мой дядя*

² Нам не удалось найти писателя, который носил такое именно имя, отчество и фамилию.

³ И. Ф. Масанов, *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4 томах*, Москва: Издательство Всесоюзной книжной палаты 1956–1960; В. Г. Дмитриев, *Скрывшие свое имя (Из истории анонимов и псевдонимов)*, Москва: Издательство «Наука» 1978.

⁴ Раешник – человек, рассказчик, показывающий раек, то есть ящик с передвижными картинками, показ которых на ярмарках в XVIII–XIX вв. осуществлялся через многогранные увеличительные стёкла и сопровождался особыми пояснениями, имеющими форму рифмованной прозаической речи с интонационно-фразовым и паузным членением, элементами сатиры и веселого балагурства. См. также: E. Małek, *Rajok*, „Zagadnienia Rodzajów Literackich”, т. XXXI, z. 1–2, Łódź 1988, с. 248–249.

(1896)), прототипом которого послужил автору роман в стихах А. С. Пушкина *Евгений Онегин* (1823–1830), пародию-шутку *Демон* (1896) образованную на поэме *Демон* (издана в 1856 г. в Германии, а в 1860 – в России) М. Ю. Лермонтова (произведение Кузьмича издавалось в трех очередных номерах «Лодзинского листка») и *Кому в Лодзи жить хорошо* (1897), пародия-шутка, источником вдохновения для которой были для Кузьмича два произведения: поэма русского поэта Н. А Некрасова *Кому на Руси жить хорошо* (1863–1877) и роман польского лауреата Нобелевской премии – Владислава Реймонта *Земля обетованная* (1899, в частях издавалась в газете «Kurier Codzienny» с 1897 по 1898). Судя по количеству, а также тематическому и жанровому разнообразию написанных Кузьмичом произведений, он был плодовитым писателем, для которого сочинительство не представляло большого труда, но одновременно не отличалось высоким художественным уровнем.

В данной статье речь пойдет о первом из названных нами произведений Кузьмича с точки зрения его отнесения к прототипу и присутствия в нем лодзинских элементов. Выбор *Евгения Онегина* как произведения, которое подверглось переработке Кузьмича для потребностей местной русскоязычной газеты, не был, конечно, случаен. Он решился на такое произведение, которое было очень хорошо известно русскоязычным читателям и намеки на него в новой, «лодзинской» версии были им с полной уверенностью понятны⁵. Перенесение места действия из России в Лодзь и отражение специфики жизни ведущего в то время общественного класса в этом городе – коммерсантов, было связано с публицистической сторонай деятельности Кузьмича. В своих *Маленьких фельетонах* он не раз отражал лодзинскую действительность и проблемы жизни лодзинских коммерсантов и фабрикантов.

Так, заглавие романа-пародии Кузьмича *Мой дядя* отсылает к первым словам первой строки знаменитого пушкинского *Евгения Онегина*: «Мой дядя самых честных правил». Подзаголовок «Роман-пародия» сообщает не только о романной форме следующего за ним произведения (так как в прототипе), но также о том, что оно создано с целью вызвать у читателя комический эффект. В данном случае за счет намеренного повторения уникальных черт (мотивов) уже известного произведения, в специально измененной форме.

⁵ Следует подчеркнуть, что роман А. С. Пушкина *Евгений Онегин* вызвал к жизни многочисленные подражания, продолжения, авторы которых предлагали свои версии судеб пушкинских персонажей. Многие из них собраны в сборнике *Судьба Онегина*, сост. А. Невский, В. Невская, Москва 2001. Стоит также вспомнить о рижской версии *Евгения Онегина*, которая была опубликована в частях в газете «Сегодня вечером» за 1928 год.

Произведению *Мой дядя* предшествует эпиграф: «Пишу Онегина размером...», который является цитатой из посвящения к реалистической повести в стихах М. Ю. Лермонтова *Тамбовская казначейша* (1838). Кузьмич, подобно Лермонтову, подчеркнул в нем связь своего романа-пародии с пушкинским романом с точки зрения размера (4-стопный ямб и 14-стишная «онегинская строфа»). Однако следует отметить, что декларация Лермонтова в его посвящении к *Тамбовской казначейше* касается также и жанрового характера его произведения, которое продолжает традицию шуточных, реалистических поэм А. С. Пушкина – *Граф Нулин* и *Домик в Коломне*⁶. Именно поэтому эпиграф к произведению Кузьмича следует рассматривать как с точки зрения его ритмической организации, так и жанровой формы.

Интересно, что первая строка произведения Кузьмича отличается только одним словом от адекватной строки, открывающей роман Пушкина. Так, вместо определения «честных», стоящего перед существительным: «правил», появляется синонимное определение: «верных». Несмотря на это, у читателя знакомого с текстом Пушкина, сразу появляется ассоциация с экспозицией известного романа в стихах выдающегося писателя.

В произведении Кузьмича появляются три персонажа из *Евгения Онегина* Пушкина: названный уже нами дядя, Татьяна и Евгений Р.. Автор не скрывает их «литературного происхождения», но наоборот – подчеркивает сходства или различия между ними и их пушкинскими прототипами.

Так, заглавным и одновременно главным героем произведения Кузьмича является неназванный по имени и фамилии дядя, который, однако, в отличие от его пушкинского прототипа, не связан с Евгением семейными связями. В произведении Пушкина, как помним, он появляется лишь в завязке (Евгений едет в деревню к умирающему богатому дяде, однако приехав к нему узнает, что тот умер). В романе Кузьмича мы узнаем возраст дяди (ему исполнилось 60 лет) и знакомимся с его внешним видом:

[...] он толст как бочка
Картошкой нос, лицо – морковь;
Он носит модные сорочки
И ловко под густую бровь
Монокль вставлять он научился⁷.

Читатель узнает дядю в момент его приезда в Лодзь. Выдавая себя миллионером, он сумел получить в кредит много товаров. Вскоре оказывается,

⁶ Б. Голлер, *Лермонтов и Пушкин. Две дуэли*, Москва 2014, Издательство «АСТ», <https://www.litmir.me/br/?b=224000&p=1> [15.07.2018].

⁷ «Лодзинский листок», 14 (26) апреля 1896, № 84.

однако, что он неплатежеспособен, что, кстати, не вызывает в городе возмущения, так как⁸:

«Не первый, не последний он» –
Всяк говорит, на дядю глядя:
«И кто не поступает так, –
Конечно, тот большой дурак!»!

Во всяком случае дядя благодаря мошенничеству становится богатым человеком, построил дом, основал кантору на 100 человек («глупых, честных, / Все работающих, безсловесных»), которые зарабатывали очень мало денег. Только одного из них – вора, мошенника, который помогал ему умножать нечестно его имение, дядя награждал намного больше других. Перед знаменитыми людьми в городе герой делал вид, что он занимается благотворением, помощью, нуждающимся в ней, а в действительности он обманывал купцов и был безжалостен к ним. Несмотря на все подлые и нечестные поступки дяди, жил он в богатстве и нашел свое место среди лодзинской знати:

Живя в довольстве и богатстве,
Мой добрый дядя влез и в знать,
Живет он с нею в панибратстве,
Хоть там не могут и не знать
Его богатств происхождения,
И рода, или положения,
Какое дядя занимал,
Когда кабак свой содержал...

Интересно, что лирический герой не любит «находчивостью» дяди, определение «добрый», которое ставит перед словом «дядя» он использует в ироническом смысле и без смущения называет его глупцом, хамом и невеждой.

Лирический герой знакомит также читателей с личной жизнью. Так, читатель узнает, что у дяди были две жены, однако первая из них умерла из-за чахотки, а вторая – отправившись мышьяком. Ни одна из них не родила ему детей. Будучи богатым лодзинским коммерсантом дядя намеревается жениться в третий раз:

⁸ Во второй половине XIX века в Лодзь приезжало много поляков из других городов и деревень, но также немцы, евреи, чехи, силезцы, которые сыграли огромную роль в развитии промышленности в Лодзи. На страницах «Лодзинского листка» описано много ситуаций, связанных с экономической жизнью города, банкротством одних и обогащением других.

Стоя пред зеркалом и глядя
Свой крашенный, но пышный ус, –
«Еще того...еще гожусь...
Гм! Гм!» – сказал недавно дядя: –
«Попробую еще разок».

Совсем другого мнения по поводу своего родственника и его супружеских планов сам лирический герой, который пишет:

Представьте, эта обезьяна –
Мой дядя я сказать хотел –
Такой красотке, как Татьяна
И руку предложить посмел!

Как видим, лирическое «я», наподобие лирического «я» в *Евгении Онегине*, обращается непосредственно к читателям с целью передать им разные информации, или познакомить их с героями, которых вводит в действие своего произведения. То же самое происходит перед появлением в тексте будущей невесты дяди, Татьяны, в описании которой он намекает на ее пушкинский прототип:

Зовут ее как ту, – Татьяной
Но эта много веселей,
Свежей, полнее и румяней,
И вряд-ли снятся черти ей.

Ее дальнейшая подробная характеристика переплетается с эмоциями лирического героя, который восхищается красотой Татьяны и тем самым удостоверяет ее реальное существование:

Она прекрасна, как богиня,
Без прибавлений и прикрас.
Пурпурно-розовая губки,
Жемчужно-редкостные зубки,
Дугою – брови, а глаза –
Что небеса?! что бирюза?!
А ножки! Ручки! – ах, блаженство!
Ну, словом, редкая краса...
Творит природа чудеса,
Но уж такого совершенства –

Клянусь вам, не встречал, друзья,
Нигде, нигде, до Лодзи я.

Из дальнейшего описания «лодзинской» Татьяны и стиля ее жизни мы узнаем, что кроме имени у нее нет ничего общего с пушкинской Татьяной, которая вставала очень рано, до зари, была печальная, молчаливая, не интересовалась городом, модой, целый день сидела молча у окна. В противовес ей, Татьяна из романа Кузьмича поднималась в 6–7 часов утра, съедала натошак котлету, пила чай или кофе, и затем сама шла погулять на Петровскую улицу, посетить модный магазин Герценберга, а вечером вместе с матерью в новом наряде шла в театр, на бал или маскарад. Лирическое «я» сообщает читателям, что не будет писать о ее детстве, родителях и других подробностях из ее прежней жизни, потому что это по его мнению не важно для развития действия. Однако, как сообщает дальше, бриллианты и кольца, которые она носит, свидетельствуют о том, что ее отец – это лодзинский коммерсант.

Удивление у лирического героя вызывает сцена, в которой Татьяна всматривается в портрет дяди, а потом – так как ее литературный прототип – берет бумагу и пишет письмо. Однако читатель не узнает сразу, кому она его пишет, потому что действие перебивается введением следующего героя – Евгения Р. Так, мы узнаем, что Евгений – это 23-летний, веселый, красивый, добрый, не глупой молодой человек. Кстати, он в таком же возрасте как и Евгений Онегин в момент его путешествия к умирающему дяде. Евгений Р. работает в конторе и несмотря на то, что он зарабатывает там мало денег, он все-таки модно одет. Он любит играть в карты, шутить, танцевать, хорошо играет в бильярд. Лирический герой, ссылаясь на слухи, которые распространяются в обществе и в которые он сам якобы не верит, сообщает читателям, что Евгений год тому назад получал вспомоществование от двух старух.

После этого отступления, в котором был введен новый герой романа, лирический герой возвращается к ранее начатому сюжету, связанному с Татьяной и ее письмом и обращается к ней с просьбой открыть тайну адресата ее письма, входя также в диалог с читателем⁹:

Открой нам, милая Татьяна,
Страницы тайного романа,
Скажи нам: кто же твой герой?
Ах неужели-ж дядя мой?... [...]
Стоит в смущении Татьяна,

⁹ Кстати, лирический герой в *Евгении Онегине* также ставит риторический вопрос, касающийся адресата письма Татьяны: «Татьяна! Для кого ж оно?».

Не хочет ничего сказать...
И с нашей стороны престранно
Бесцеремонно приставать.
Бог с ней совсем и с ея тайной,
Узнаем как нибудь случайно,
У дяди украду-ль письмо
И сообщу я вам его...
«Довольно нас однако мучит!» –
Читатель, верно, говорит...
О! о!...я вижу ты сердит,
Читатель – знай, еще наскучит
В моей приемной тебе ждать
Развязки... можешь пока спать.

Тем самым лирический герой отождествляется с автором произведения сообщая читателям, что он создал мир своих героев и только от него зависит, когда они узнают их дальнейшую судьбу. Желая подчеркнуть свою позицию и преимущество над читателем, он делает для него исключение и продолжает действие своего романа:

Ну, так и быть! Я исключение
Всем сделаю на этот раз...
Все расскажу без замедления,
Задерживать не стану вас.

Свое решение он объясняет таким образом, что читатели его произведения – это торговый класс: коммерсанты, купцы, торговцы, фабриканты, приказчики, которые дорожат свое время и не могут слишком долго сидеть за газетой, так как им нужно «мерить и считать».

Продолжая сюжет Татьяны и письма, которое она стала писать, лирический герой раскрывает секрет Татьяны и пишет, что его адресатом является не дядя, а ее любимый – Евгений Р. При этом он вновь намекает на пушкинский прототип и письмо пушкинской Татьяны:

Друзья! Письмо моей Татьяны
Шедевр и редкость на показ!
Едва-ли в пушкинском романе
Татьяна, уверяю вас,
Пером владела так отлично,
Писала так умно, тактично,

Как героиня здесь моя;
О! нет сравнения, друзья!
Моя Татьяна той тактичней,
Куда и опытней, умней
(Меж тем, ровесница ведь ей),
А главное - востократ практичней...
Но, впрочем, что вперед хвалить,
Прошу прочесть, затем судить.

Конечно, такая декларация лирического героя связана не только с иронической формой произведения и приемами, которые применил автор, но также с прагматическим подходом к жизни и любви, а также опытом и практицизмом героини, чуждыми онегинской Татьяне и героям романтической эпохи. Следует при этом отметить, что лирический герой в произведении Пушкина также любит письмо Татьяны, его формой и содержанием, учитывая однако при этом ее романтическую натуру и совсем другой способ мышления, вызванный ее чувствами и переживаниями:

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор, И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. [...].

Адресатом писем в обоих произведениях является Евгений. В романе Пушкина – как известно – Татьяна признается Евгению в любви и ожидает от него взаимности. В произведении Кузьмича зато Татьяна, используя в своих обращениях к адресату письма французские слова, свидетельствующие о том, что она знала этот язык (напр., *monsieur*, *mon cher*, *rendesvous*) пишет о том, что она вынуждена порвать контакты с Евгением, несмотря на то, что он ее любит. Она не вспоминает о чувстве к нему, но перечисляет такие его достоинства, как: честность, тихий нрав, благородный характер, которые противоречат предыдущим информациям лирического героя о нем. В конце Татьяна сообщает ему, что быть вместе им не суждено из-за плохого материального положения Евгения:

Хоть говорят, я знаю, часто,
Что с милым и шалаш хорош, –
Не верьте этому, то ложь;
В квартире хоть за полтора
Целковых в «квартал», ей же ей,
Влюбленные живут тесней...

Материалистическое отношение к жизни Татьяны подтверждается также в ее дальнейших объяснениях, адресованных Евгению:

А ваши-же, mon-cher Евгений,
Доходы – глупость, ерунда!
Живя на них, все развлечения
Забуть придется навсегда.
А я-ж люблю пожить, покушать,
Концерты, оперу послушать,
Явсья в наряде дивном, вдруг
Повергнуть всех моих подруг
И в зависть, злобу и смущение
Что-б их бросал и в жар, и в холод
Роскошный, пышный мой наряд,
Что-б после, в сильном раздражении,
Иная мать, жена, иль дочь
Проплакала на взрыд всю ночь!...

Татьяна в конце концов выявляет имя человека, который обеспечит ей будущее, то есть богатого, пожилого, известного в Лодзи господина – дядю лирического героя. Она пишет Евгению, что несмотря на свое богатство он глупый, некрасивый, седой, толстый, плешивый, глухой. Однако для нее самым важным является то, что он важный местный коммерсант, миллионер, который живет пышно и богато. Именно поэтому она намеревается выйти за него замуж. Одновременно Татьяна сообщает Евгению, что она хочет дальше встречаться с ним в одном из двух садов, принадлежащих ее богатому будущему супругу, когда тот будет занят бизнесом. Свое письмо Татьяна заканчивает комплиментами, адресованными Евгению: драгоценный, золотой.

Лирический герой сообщает дальше читателю, как Евгений отнесся к письму Татьяны:

Сначала холодно ему
Вдруг стало, точно в лихорадке,
Потом вдруг жарко, и в припадке

Он сумасшествия словно был
И на себя не походил;
Потом по комнате он шибко,
Нетерпеливо зашагал,
Потом перо, бумагу взял
И с широчайшею улыбкой
Сии слова он написал:
«Танющечка! Расчет твой ясен,
Я рад, конечно, и согласен».

Итак, видим, что как для Татьяны, так и для Евгения самым важным были не чувства, уважение к другому человеку, честность, верность, а личный комфорт и роскошная жизнь. Развязкой действия в произведении Кузьмича является согласие Евгения на предложение Татьяны.

Произведение заключает эпилог, имеющий метатекстовый характер. Автор пишет в нем о возможных вопросах реципиентов насчет прототипов героев его романа, их действий, разговоров. И несмотря на все намеки, которые появляются с самого начала романа *Мой дядя* на произведение А. С. Пушкина *Евгений Онегин*, автор не признается к использованию литературного прототипа. Не пишет также о том, что это его оригинальное произведение. Зато читатели узнают от автора, что он якобы перенес на бумагу свое сновидение и поэтому не чувствует себя виноватым за его содержание. Его объяснение по этому поводу звучит неубедительно и носит провокационный характер, противореча многим аллюзиям на названный роман Пушкина.

Так или иначе следует заметить, автор произведения *Мой дядя* создал произведение, которое не требовало от него много творческой инициативы и одновременно гарантировало читательский интерес, потому что его прототип был хорошо известен всем русскоязычным жителям Лодзи. Кроме того произведение Кузьмича отражало некоторые стороны лодзинской действительности конца XIX века. и поэтому могло быть интересно живущим в Лодзи русскоязычным жителям этого города.

Хотя в писательской манере автора чувствуется легкость, невынужденность, то все-таки невысокий художественный уровень его произведения, отсутствие оригинальности как в сфере содержания, так и формы подтверждают, что его автор был «ремесленником», который хорошо знал свою работу, но литературные «продукты» его деятельности не представляли собой высокой художественной ценности. Однако их значение проявлялось в том, что они гарантировали русским, живущим вне России контакт с русскоязычной литературой, которая иногда была направлена как на известные им тексты, изданные в России, так и на новую действительность, в которой им пришлось жить.

References

- Dmitriev, Valentin G. *Skryvshie svoje imia (Iz istorii anonimov i psevdonimov)*. Moskva: "Nauka", 1978.
- Goller, Boris A. *Lermontov i Pushkin. Dvie Dueli*, Moskva: "ACT", 1978.
- Lekmanov, Oleg. «Ah, vse znakomye motivy» (o «Sovremennom Onegine» M. Ja. Pustynina). In: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* X: «Vek nyneshnii i vek minuvshii»: kulturnaja refleksia proshedshei epokhi: V 2-kh ch. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Vol. 2: 251–258.
- Małek, Eliza. „Rajok”. *Zagadnienia Rodzajów Literackich*. vol. XXXI, no. 1–2 (1988): 248–249.
- Masanov, Ivan F. *Slovar psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyatelei v 4-kh tomakh*, Moskva: Izdatelstvo Vsesoyuznoi knizhnoy palaty, 1956–1960.
- Plechova, Natalia P. „On i ona» M. I. Voskresenskogo: parodia, ili podrazhanie «Yevgeniyu Oneginu» A. S. Pushkina. *Vestnik Pskovskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seria: Sotsialno-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. No. 5 (2014): 121–128.
- Sudba Onegina*, sost. Aleksei Nevskii, Vera Nevskaya. Moskva: Assotsiatsia Ekost, 2001.